

от местной власти», «условия не создаются, туризм нету, сообщение нету», «нет никакого центра нашей культуры»).

Мигранты, становясь субъектами межнациональных отношений, существенным образом влияют на их характер в регионе. Подавляющее большинство опрошенных (85%) не имеют проблем в общении с представителями других национальностей в республике («Мы с местным населением живем очень дружно»), небольшой процент респондентов (2,5%) причину сложностей видят в незнании языка (русского).

В целом 2/3 респондентов считают, что в РХ межнациональные отношения благоприятны, 5% уверены в наличии скрытой напряженности («в основном межнациональные отношения благоприятные, но бывают ситуации, когда отношение к личности переходит и на национальный уровень (в быту)'), 2,5% считают их неблагоприятными. Об этом косвенно говорят мнения респондентов, которые связывают сложности получения прописки и снятия жилья с «национальностью» (см. выше).

Сами мигранты заинтересованы в улучшении взаимоотношений с местным населением. Из этого главное – хорошие социальные условия в равной мере и местному населению и мигрантам: «ознакомить с культурой другого народа» и пр.

Большинство респондентов (80%) работают в многонациональных коллективах, в которых, по их мнению, нет межнациональной вражды, однако 7,3% такую все же ощущают. И все же 67,5% респондентов считают, что в коллективе, состоящем только из представителей их народа, работать легче, т.к. у его членов общно культурные ценности и традиции.

Наконец, важнейшим показателем стремления мигрантов к адаптации к принимающей среде является отношение к исторической родине и к вновь обретенной. Треть респондентов (32,5%) хотели бы вернуться на родину («там все родственники», «родная страна», «потому что родина есть родина, там родился и родственники там», «наверно потому что скучаем»), но все же они понимают, что там «нет работы», хотелось «только по временам повидаться с родителями», поехать в гости. Почти столько же (35%) респондентов собираются остаться в Хакасии, так как «Привыкли к тому, что есть и где живем», «Там сейчас хуже, трудно с работой», «здесь привыкли», «люди изменились» и пр.

Только 10% респондентов хотели ли бы, чтобы их дети уехали из Хакасии. Но больше половины респондентов (57,5%) все же считают Хакасию местом, где бы их детям жилось хорошо: «Потому что у меня 6 детей они уже привыкли здесь жить мы уж 7 год живем в Хакасии», «Нам Хакасия очень нравится», «благоприятная экологическая обстановка (по сравнению с другими районами)», «Люди добрые здесь», «Раньше наши предки жили здесь» (киргизы), «Потому что здесь работа и дети хорошее образование получают», «Спокойная обстановка, есть работа», «Все с пониманием относятся».

Таким образом, в начале XXI века внешняя миграция в Республике Хакасия носит новые черты:

- это трудовая индивидуально организованная миграция;
- мигранты – преимущественно граждане республик Средней Азии и Казахстана, именно они стараются максимально адаптироваться к принимающему сообществу.

Большинство мигрантов считают Хакасию регионом, благоприятным для проживания, не испытывает негативных чувств по отношению к основным национальным группам – хакасам и русским. Вместе с тем, они испытывают серьезные психологические трудности в общении с государственными органами.

*Р.М. Бикметов, Т.И. Бикметова*

### ОБРАЗ ЛОГИКА И ЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УМБЕРТО ЭКО

Неотъемлемой частью общей культуры личности является культура мышления. Современная логика призвана выполнить свою функцию – выступить в качестве пропедевтики мышления. Значение логики в системе культуры в целом и гуманитарного знания в частности показано в особой художественной форме у итальянского философа Умберто Эко. В его произведениях логика играет большую роль в раскрытии образов героев и создании атмосферы эпохи. У Эко нет героя по имени Логик, но его образ имплицитно присутствует во всех его романах.

Главный герой всех романов Эко, как правило, блестяще владеет логикой, чем не преминет воспользоваться в своих рассуждениях и действиях, а автор всячески подчеркивает это качество. Так, в романе «Маятник Фуко» Бельбо объясняет Казобону отличительные черты дурака, как особого типа, донимающего редакторов издательств. Это те, которые рассуждают по следующей схеме: «...собака домашнее животное и лает, и приходит к заключению, что коты тоже лают потому, что коты домашние... Или что все афиняне смертны, все обитатели Пирея смертны, следовательно, все обитатели Пирея афиняне» [1]. Однако последнее заключение истинно, что Бельбо объясняет тем, что «дурак способен прийти к правильному умозаключению, но ошибочным путем». Все-таки, по мнению героев, «...лучше приходиться к ошибке, но рационально... а иначе зачем было делаться с таким трудом рациональными животными?» [2]. Еще один пример рассуждения дурака, который приводят герой: «Некоторые из тех, кто не верит, что Господь сотворил мир в течение семи дней, не являются фундаменталистами, но некоторые фундаменталисты верят, что Господь сотворил мир в течение семи дней. Следовательно, ни один не верящий, будто Господь сотворил мир в течение семи дней, – фундаменталист». Этот пример герои приводят как проявление «глупости» и явный признак дурака, поскольку «...здесь нарушается основной закон силлогизмов, нельзя выводить универсальные заключения из двух частных посылок» [3].

Но логика используется героями не только в светских беседах, в которых герои составляют свои классификации окружающих, но и для более серьезных вещей, для решения практических задач, в частности, для раскрытия преступлений. В романе «Имя Розы» монах францисканец Вильгельм и его молодой ученик и помощник Адсон пытаются выяснить причины странных убийств в монастыре. Когда они натываются на очередной труп и ищут улики или какие-нибудь следы, оставленные преступником, Вильгельм учит молодого монаха искусству рассуждений.

В расследовании им помогает местный монах Северин, который и обращает внимание на одну деталь:

«— Двое мертвых, и у каждого черные пальцы. Что ты думаешь?»

«— Ничего не думаю. — И Вильгельм, сразу объясняет свою позицию. — *Nihil sequitur geminis ex particularibus unquam* <ничто общее никогда из частных посылок не следует (лат.) — 8-е правило образования силлогизмов [4]>. Надо было бы свести оба случая к единому основанию. Например, существует состав, зачерняющий пальцы того, кто его коснется...» [5].

Помощник тут же выводит новый силлогизм из прежних посылок: «Пальцы Венанция и Беренгара черны, ergo они касались состава». Но встречает новое выражение учителя: «...силлогизм построен не правильно, так как *aut semel aut iterum medium generaliter esto* < в какой-либо из двух посылок средний термин должен быть общим (лат.) — 3-е правило образования силлогизмов [6]>, а в твоём силлогизме средний термин ни разу не является общим. Это указывает на ошибку в постановке основной посылки. Я не имел права утверждать, что у всех, кто касался известного вещества, черны пальцы, ибо могут быть на земле люди с черными пальцами, но не касавшиеся вещества. Я должен был сказать иначе: те и только те, у кого черны пальцы, безусловно, касались этого вещества. Венанций и Беренгар... ну и так далее. Что дает нам прекрасный образец *Darii*, третьего вида в первой фигуре» [7].

Но логика у Умберто Эко служит не только для характеристики своих героев, через нее он передает образ времени, менталитет эпохи, особенно эпохи средневековья.

В обыденном сознании и в нашей системе традиционного образования, до недавнего времени полностью основывавшегося на марксизме, средневековье, обычно, предстает как эпоха мракобесия, в которой была полностью задушена свободная творческая мысль, подлинная наука. Между тем, средневековье служит мостом, соединяющим античность и Новое время. И именно в этот период сформировались истоки современной европейской рациональности и классической науки. Бертран Рассел в своей работе «Истории западной философии» пишет: «Превосходством, достигнутым после Возрождения, мы обязаны отчасти науке и научной технике, отчасти тем политическим учреждениям, которые были постепенно созданы в период средневековья» [8]. Хотя философия средневековья является исключительно религиозной, по мнению Геннадия Майоро-

ва, это имеет и обратную сторону: поскольку теологизация философии вела к философизации и рационализации теологии, которая, оставаясь владычицей средневековой мысли, становилась благодаря этой рационализации более терпимой к самой философии [9].

Схоластами был унаследован образ логики аристотеликов, который воплотился в учении Боэция. Логика у Боэция подобна руке, которая одновременно есть и часть тела (философии), и его инструмент [10].

Логика — это инструмент достижения истины, но не сама истина. Выдающийся историк философии А.О. Маковельский отмечает: «Специфика логики заключается в том, что она изучает не объективный природы и не субъективный мир переживаний, а мышление, посредством которого человек познает и то и другое» [11]. Фатер Каспер, в романе «Остров Накануне», полемизируя с молодым дворянином Роберто де ла Гриф напоминает ему, что «...вот уже немалые годы иезуиты отказались в борьбе с противниками прибегать к священнотекстовому крючкотворству, а действуют посредством непоборяемых аргументов, основанных на астрономии, на разуме, на математических и физических резонах» [12]. Умберто Эко показывает роль логики через споры и диспуты, которые ведет персонажи его романов, как с ее помощью обосновываются богословские истины и даже заблуждения и суеверия. Тем самым он подтверждает оценку средневековой логики, которую ей дал А.О. Маковельский: «Схоластическая логика ставила себе задачу вооружать искусством доказывать и опровергать, но не преследовала цели научить приемам открытия новых истин» [13].

В идейной истории России традиции рациональности не имели того значения, который они приобрели в культуре Запада. Зачастую у нас духовность противопоставлялась рациональности и поэтому всячески принижалась. Русский философ П. Чаадаев в своих «Философических письмах» отмечал эту черту российского общества: «...всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком» [14]. Причины такого неприятия «силлогизма Запада» раскрывает историк Ключевский, когда описывает идеал «учености», сложившийся в XVI веке в России. В это время образованный человек даже хвастался своим незнанием философии и презрением к ней. «Братия! — поучал он, — не высокоумствуйте; если кто тебя спросит, знаешь ли философию, ты отвечай: Эллинских борзостей не знах, ни ритарских астрономов не читал, ни с мудрыми философами не бывал, философию ниже очима видех. .. Богомерзостен перед Богом всяк любяй геометрию; не учен я словом, не обучался диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею...» [15]. К сожалению, тот уровень логической культуры, который был накоплен к началу XX века в российском обществе, был почти утерян в годы советской власти. Между тем владение логикой способствует повышению интеллектуального потенциала человека, более эффективному использованию способностей, данных человеку от природы, и навыков, приобретаемых на жизненном пути. Мыслить логично — это значит мыслить точно и последовательно,

